

Никто не забыт, ничто не забыто

«РЯДОВОЙ ПЕРА»

Из роты в роту, из взота в взот
(А у немцев есть снайпера)
Наш брат, не сгибаясь, к бойцам
идет —
Он — рядовой пера...

Это слова из застольной песни военных журналистов «За рядовых пера». На Волховском фронте она была популярной. Ее автор сражался среди тех, кто пел его песню.

Ленинградский поэт Анатолий Чивилихин ушел добровольцем на фронт с первых дней войны. Его назначают командиром взвода морской пехоты. Поэт становится офицером четвертой армии, которая держит жестокую оборону на рубеже Ладога — Ильмень. Со своим взводом не раз ходил в бой. В одном из них Чивилихин отморозил ноги.

Вскоре его переводят в корпус журналистов.

Но и там поэт не забывает товарищей по оружию. Частенько приходит к ним под огнем врага. Но уже как корреспондент газеты «В бой за Родину».

А. Чивилихин пишет очерки и корреспонденции, организывает материал. Окончательно он нашел себя как поэт именно на войне, на Волховском фронте. Раньше он излишне увлекался архаическим слогом, подражал высокому одическому стилю Державина. Его муза подчас страдала многословием и риторикой. Теперь у него появился новый читатель — воин, который знает только два чувства — любовь и ненависть и которому нужны не подражания, а стихи призывы.

Поэзия А. Чивилихина перестраивается на марше. Строка становится пружинистой, динамичной, голос уверенным, командирским. Он знает, что слабым, тихим голосом не бросить в атаку бойцов. Стихи должны быть приказом — четким, ясным, и в то же время эмоциональным.

Нам отступать нельзя, товарищ —
Нам это совесть говорит.
Ты видишь зарево пожаров?
Мой дом сгорел. Твой дом горит...
Мы поклялись: костями поляжем...

Газету с его стихами политури читали солдатам перед боем.

Деревня Черницы Чудовского района. Здесь — медсанбат 310-й стрелковой дивизии. Раненые лежат в крестьянских избах. В одну из них как-то вечером зашел поэт проводить своих друзей по дивизии. До утра расспрашивал раненого комбата Вячеслава Ивановича Фомина о боях, где тот был ранен. Они были друзьями: бок о бок воевали в сорок первом. Потом он снова приходил к раненым. Его любили слушать. А он глуховатым, но сильным и крепким голосом, как клятву читал:

Отход прикрывает четвертая рота
Над Волховом тусклое солнце
встает.
Немецкая нас прижимает пехота.
Мы смертники. Мы прикрываем
отход.

Последний куплет, говорил В. Фомин, он нам всегда декламировал стоя:

Не думай — умру, от своих
не отстану.
Вон катер последний концы
отдает, —
Плыви, коль посеешь, скажи
капитану:
Мы все полегли. Мы прикрывали
отход.

Дивизионные самодеятельные артисты любили читать стихи Чивилихина. Охотно выступал и он сам. На вечерах, в медсанбатах, в частях в момент затишья. Всем было лестно и приятно, что он — их поэт, из их дивизии, что он — не приезжий на несколько дней, а коренной боец «болотного» фронта.

Был май 1942 года. 35 наших бойцов сдерживали натиск почти в десять раз превосходящего противника. Погибли все, но рубеж так и не был отдан фашистам. «В бой за Родину» вскоре публикует поэму А. Чивилихина «Тридцать пять». В ней он воспекает непреклонную волю коммуниста в его стремлении к победе.

Сам он тоже решил стать коммунистом. Об этом думал и раньше, но считал, что должен идти в партию уже с боевыми заслугами. Теперь его любовь к Родине проверена и испытана в боях, под пулями и в штыковых атаках. В 1942 году на Волховском фронте А. Чивилихин стал коммунистом.

И опять фронтовые дороги. Его всегда ждали со свежими газетами, с новыми стихами. И он приходил к солдатам через болота, под пулеметным огнем. Потом бойцы долго рассказывали, что их рота дружит с ленинградским поэтом.

Дружбу с дивизией, в которой воевал, А. Чивилихин не порвал и в дальнейшем. Триста десятая, ставшая затем Новгородской ордена Ленина Краснознаменной дивизией, сражалась на Малом Волховце, за освобождение Новгорода. Она стояла на направлении главного удара противника. И здесь снова раздавался голос А. Чивилихина:

Мы, помнится, в гости их вовсе
не звали.
Спокойно мы жили без них,
поживали.
Не звали, так пусть на себя
и пеняют...

Поэт по-прежнему часто бывал в подразделениях и медсанбате. Нередко раненые сами читали его стихи. Такие встречи превращались в импровизированные концерты.

Стихи поэта появляются в газете Волховского фронта «Фронтальная правда», а сам он рвется в бой. Голос его музыки звенит, как стальной клинок, занесенный над головой врага. Атака — стихия музыки Чивилихина:

Вот он, вражеский стан.
Поднимайтесь, ребята, дружнее,
Да, нам солоно было — будет
Немцам втрое солонее.

1943 год. Уже занесен мощный кулак над новгородской группировкой фашистов. Оставалось выбрать удобный момент для решительного удара. Поэт рвется в 59-ю армию. И вот он здесь. Теперь «взлетной площадкой», с которой его стихи обрушивались на врага, стала газета «На разгром врага».

Голос поэта крепнет и звенит гневом:

Обида сердце жжет. Месть
чужеземцу! Месты!

Полки И. Коровникова пошли в наступление. И с ними — он, поэт 59-й армии Анатолий Чивилихин. Занималось радостное утро 14 января 1944 года!

Пора! В коротком этом слове
Отныне все заключено.
Войскам, стоявшим наготове,
Не раз мерещилось оно...

Чивилихин, участник грозной битвы за Новгород, воздвиг ей величественный памятник — поэму «Битва на Волхове». Полифонична по своему мелодико-интонационному звучанию волховская поэма. Звучи набатного колокола, доверительный разговор, ораторский жест, риторические вопросы, скорбный вздох, тихая улыбка, интонация приказа — все это делает поэму многоголосой, широкой, яркой. Поэма дышит жаром боя: ведь она рождалась в бою.

Новгород вызволен из плена. Софию, израненную, без шапки золотых волос, поэту хотелось укрыть своей шинелью, отдать ей все свое тепло. А труба зовет солдат дальше. Еще горят наши села и города, и Чивилихин уходит на Запад.

На Запад, тула, где пылают
деревни,
Не ведая страха, товарищ, иди!
Тебя провожает наш Новгород
древний,
Наш Новгород светлый — уж
он позади!

С родного Волхова майор А. Чивилихин дошел до Эльбы.

После войны поэт вернулся в Ленинград, к мирным темам. Но тревожный голос войны по-прежнему врывается в его звуковую поэзию: люди, будьте бдительны!

В 1957 году А. Чивилихина не стало.

В. ТЮРИН,
доцент Новгородского
педагогического института.